

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА АРМЯН

ВЛАД БЭНЭЦЯНУ (Бухарест)

Вопросы этногенеза армян более сложны по сравнению с вопросами происхождения других народов, и поэтому в рамках данной статьи мы сможем затронуть лишь некоторые основные, ориентирующие положения. Мы считаем армянский язык языком индоевропейского племени, мигрировавшего во второй половине второго тысячелетия из Балкан в Малую Азию. В результате его прихода — мирного или завоевательного — образовался народ, отличный от коренного, *не*индоевропейского происхождения местного населения. В процессе формирования нового народа создавались весьма сложные этнологические ситуации, в которых трудно разобратся ввиду того, что эти события произошли в ту отдаленную эпоху, о которой у нас сохранилось мало исторических источников.

В деле исследования армянского языка уже сделали многое как наши предшественники W. Petermann, F. Windischmann, Fr. Müller, так и ученые A. Hübschmann, Paul Lagarde, Evald Lidén, A. Meillet, H. Pedersen и другие. Следует упомянуть и мхитаристов Венеции и Вены, которые очень много поработали над созданием описательных грамматик габара, словарей (очень ценных для арменоведов¹), изданием трудов древнеармянских писателей или агиографических сочинений.

Исследованиям в области арменоведения в странах Запада свойствен один большой недостаток. Индоевропейцы западных стран отказывались изучать исторические условия, в которых формировались армянский народ и язык. Они изучали и изучают фонетику, морфологию или словарь таким образом, как будто не существовало никаких вопросов этногенеза, никаких особенных исторических условий в образовании народа и языка.

Сравнительно-историческое исследование армянского языка многим обязано А. Хюбшману, Гр. Ачаряну, А. Мейе, Х. Педерсену. Современные компаративисты Е. Бенвенист, В. Пизани, Отто Хаас, С. Лионне, Морис Леруа, Ханс Фогт, Дж. Бонфанте, В. Инглизьян, А. Ж. Ван Виндекенс, Р. Гусмани, Фр. Фейди, Г. Кюенде, Х. Пенсен, Г. Р. Солта, Дж. Болонези изучают армянский язык также со сравнительно-исторической точки зрения. Тем не менее Б. В. Горнунг правильно выразил мнение ряда компаративистов, что многие считают сравнительно-исторический метод лишь

¹ Например, «Յոր բարձրր Հայ/ազեան լե/ուի». Венеция, 1836—1837. 1—11.

«наследием», а не «актуальным вопросом» современного языкознания, разработка которого еще не закончена¹.

До сих пор, из-за отсутствия интереса к вопросам, связанным с формированием армянского народа и языка, а также вследствие того, что исследователи ограничивались изучением только армянского классического языка, ставшего языком письменности лишь в V веке, многие вопросы арменистики не получили еще окончательного разрешения.

Справедливо замечание Карла Рота о том, что дальше нельзя допускать eine Sonebenherbehandlung des Armenischen².

Что касается американских лингвистов, занимающихся между прочим и вопросами армянской филологии и сгруппированных вокруг журналов Language и Word, то они (такие ученые, как William Austin, Alexander Kerns, Benjamin Schwartz, Werner Winter, Armen V. Yerejian и другие), используют армянские материалы для подтверждения теории ларингалов Стертеванта. Определенные архаизмы армянской фонетики и морфологии, слова, начинающиеся с придыхательного h, которому в греческом, латинском и санскритском языках соответствует начальный гласный (что заставило американских арменоведов предполагать отражение ларингалов³), значительный словарный запас (около 6000 слов) неизвестного происхождения⁴, — все это ставило перед американскими лингвистами вопрос, не следует ли армянский язык считать анатолийским. И действительно, William Austin считает армянский язык, вместе с хеттским, нероглифическим хеттским, лувийским и ликийским, — малоазиатским языком⁵.

Ту же ошибку американских лингвистов повторяют и некоторые армянские ученые, которые пытались разрешить проблему этногенеза армян. Здесь следует отметить вклад Гр. Капанцяна, который собрал огромный материал по предыстории армянского языка и по этногенезу, частично опубликованный в разных трудах, а в последнее время в «Историко-лингвистических работах»⁶. Вместе с другими учеными он, однако, сделал

¹ Б. В. Горнунг, О границах применения сравнительно-исторического метода в языкознании («Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 24); см. также Б. А. Террачини, L'héritage de la méthode comparative («Acta Linguistica», II, вып. 1, стр. 1—22; вып. 2, стр. 63—82).

² Karl Roth, Indogerm. Forschungen, LVII, 1938, стр. 160.

³ Armen V. Yerejian, The H-Zero Alternation in classical Armenian, «Word», IX, 1953, стр. 117 и сл.

⁴ Р. Ачарян, Հայերեն արմատական բառարան, I—VII, Ереван, 1926—1935. Он считает, что из 10 996 корней армянского языка около 6000 — неизвестного происхождения.

⁵ William Austin, Is Armenian an Anatolian Language? («Language», XVIII, стр. 22—25).

⁶ Мы отметим здесь некоторые работы акад. Гр. Капанцяна: Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940 (содержит много важных материалов); К происхождению армянского языка («Изв. АН АрмССР», 1946, № 7 стр. 3—30); в этой статье он развивает свой ошибочный тезис о «двуприродном» характере армянского языка, в котором якобы преобладает «малоазиатский» элемент; т

ошибку, отрицая индоевропейский характер как армянского, так и хеттского языков, включая их в число языков, называемых им «малоазийскими», а американскими лингвистами — «анатолийскими» языками. Гр. Капанцян, ученый Советской Армении, стараясь вскрыть и осветить доисторический период развития армянского народа, искал в армянском языке и в других неиндоевропейских языках подтверждения своим тезисам. Его неоспоримая заслуга состоит в том, что он внимательно изучал возможные связи армянского языка с языками Малой Азии и пытался исследовать неиндоевропейские элементы в армянском языке. К сожалению, марровское влияние, от которого ему не удалось вполне освободиться, не давало ему возможности непредвзято рассматривать некоторые вопросы, так что зачастую он строил свои тезисы и теории не опираясь на прочные доказательства.

Тем не менее следует подчеркнуть очень важный факт, а именно, что советские ученые создали прочные предпосылки для изучения этногенеза армян, главным образом исследуя разнообразные вопросы, которые ставили перед учеными хеттские, ассирийские и урартские источники. Следует также отметить, что советский урартолог акад. Г. А. Меликишвили опубликовал почти все известные до сих пор тексты и издал самое лучшее введение в урартскую грамматику¹; другие ученые опубликовали исследования о хурритском языке. Углубленное изучение ассирийских и урартских текстов, связанных с древней историей Армянского нагорья, дало историкам новые точные сведения об исторических фактах. Мы должны отметить работы известного археолога Б. Б. Пиотровского, который, благодаря произведенным им раскопкам в Советской Армении, углубил наши знания о древнем Урарту². Как научный вклад большого значения по раскрытию предыстории армян, следует отметить работы академика И. А. Орбели, урартолога И. М. Дьяконова и акад. Г. А. Меликишвили, работы историка-арменоведа С. Т. Еремяна. Все эти достижения советской науки по изучению армянского этногенеза, к сожалению, очень мало известны за рубежом.

Одновременно следует указать на некоторые ошибочные позиции арменоведов по вопросу этногенеза.

Мы предполагаем, что причиной ошибок был отказ использовать достоверные достижения сравнительно-исторической индоевропейской грамма-

же тезисы находим и у Н. Марра, Грамматика древнеармянского языка, 1903. Кроме того, из работ Гр. Капанцяна мы еще отметим Историю Урарту (на арм. яз.), Ереван, 1940; Хеттские боги у армян, Ереван, 1940; *Արա Գեղեցիկի պաշտամունքը*, Ереван, 1945; Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947; Историко-лингвистические работы, Ереван, 1957.

¹ Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, («Вестник древней истории», 1953, №№ 1—4; 1954, № 1); Введение в урартскую грамматику («Вестник древней истории», 1953, № 1).

- Б. Б. Пиотровский, К вопросу о происхождении армянского народа («Изв. АН АрмССР», 1945, № 6, стр. 7—38); он же, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946; он же, История и культура Урарту, Ереван, 1944, он же, Кармир-блур, «Археологические раскопки в Армении», Ереван, 1—IV, 1950—1958; он же, Urartu. Lebende Vergangenheit. «Prahistorische Ausgrabungen», Berlin, 1954.

тики, использование которой безусловно необходимо при исследовании вопросов образования армянского народа и языка. Пренебрегая ею, ученый Гр. Капанцян отрицал индоевропейский характер армянского языка. Переоценивая роль неиндоевропейской лексики в армянском и хеттском языках, он пришел к убеждению, что эти языки следует считать «смешанными» или «двуприродными», сформировавшимися в течение процесса, в котором малоазийский неиндоевропейский язык якобы ассимилировал морфологическую структуру какого-то языка, на котором говорил индоевропейский народ, смешавшийся с носителями неиндоевропейского языка. В этом процессе неиндоевропейский народ внес, как свой вклад, собственную лексику. Гипотеза «двуприродных» языков вообще *допустима*, потому что такие процессы смешивания могут происходить и теперь и, конечно, происходили в прошлом. Но армянский язык нельзя считать «двуприродным», так как он не представляет собой смеси двух разнородных морфологических систем: только армянский словарь разнороден по своему происхождению, но и это несущественно, так как его основной лексический фонд все же индоевропейского происхождения¹.

Индоевропейское происхождение армян отрицает также и ученый Б. Б. Пиотровский, который в своих трудах по этногенезу армян опровергает теорию переселения армян из Европы. Б. Б. Пиотровский, крупнейший археолог и урартолог, имеет высокую репутацию в научном мире, а его раскопки в Советской Армении способствовали глубокому изучению урартского периода. Но концепция Б. Б. Пиотровского, отрицающего миграцию из Европы, труды Гр. Капанцяна, а также и других советских ученых, создали в Армении школу, которая способствовала пренебрежительному отношению к исследованиям по этногенезу армян, основанным на признании его индоевропейского происхождения.

И. М. Дьяконов — известный ученый — имеет большие заслуги в области изучения армянской предьстории. В своих трудах он признает индоевропейский характер армянского языка, но только в том, что касается его основы; он не согласен с тем, что незначительное меньшинство индоевропейского происхождения (фригийско-армянская группа) играло решающую роль в формировании армянского этноса. По мнению И. М. Дьяконова, армянский народ образовался из урартского и, частично, из хурритского народов; они слились с предармянами, которые, в свою очередь, уже были смешаны с «иероглифическими хеттами».

Одним из лучших исследователей эпохи формирования армянского народа является С. Т. Гремян, который, исходя из некоторых господствующих

¹ Ошибка не только Гр. Капанцяна, так как Иоханнес Фридрих считал хеттский язык *Mischsprache* «смешанным языком». Следует также упомянуть о концепции Холгера Педерсена, который объединяет в малоазийскую группу все языки Малой Азии, включая и хеттский, иероглифический хеттский, ликийский, лидийский и фригийский языки, не отрицая при этом их индоевропейского характера (*Lykisch und Hettitisch*, København, 1945, стр. 7). Те же самые языки Вя. Георгиев объединяет в так называемую юго-индоевропейскую, или «анатолийскую» группу языков (Иссл. по сравн. историч. языкозн., Москва, 1958, стр. 283)

щих в арменоведении в течение последнего десятилетия тезисов, не избегал ошибок в своих попытках раскрыть этногенез армян. Но все-таки в своих трудах, из которых упомянем его краткую обобщающую статью «К вопросу об этногенезе армян»¹, он приходит к замечательным выводам и интерпретациям, несмотря на некоторые ошибочные тезисы, а его большой труд по этногенезу армян, который должен поступить в печать, принесет ряд важных разъяснений по некоторым еще неразрешенным вопросам.

Подводя итоги, можно сказать, что позиция американских лингвистов, которые считают армянский язык «анатолийским», имеет черты сходства с концепцией Гр. Капанцяна и других ученых (считающих армянский язык «двуприродным» или «смешанным»); это концепция привела к тому, что советских арменоведов не интересовало изучение этногенеза армян *на основе их индоевропейского происхождения* и переселения из Европы в Малую Азию.

Отрицание теории переселения армян из Европы неблагоприятно отразилось на науке и привело к некоторому застою в изучении этногенеза, так как эта теория покоится на тезисе сравнительно-исторического языкознания об индоевропейском характере армянского языка.

Большое значение для изучения этногенеза армян с позиций учения сравнительно-исторической грамматики имела статья профессора Ереванского госуниверситета А. А. Асмангулян, в которой она восстановила равновесие в одном из главных вопросов армянского языкознания².

Надеемся, что осуществление проекта относительно издания журнала по арменоведению на главных европейских языках, как и проекта издания целой серии трудов армянских ученых по главным отраслям арменоведения на одном из западных языков, покажет зарубежным ученым огромную, интенсивную деятельность в области арменоведения и привлечет их к сотрудничеству с учеными Советской Армении — центра арменоведческих наук.

* * *

При решении вопросов этногенеза армян встречается много затруднений.

Трудности встречаются как при выяснении этнического происхождения народа, так и при рассмотрении вопросов, связанных с народами, родственными армянам, с переселением предармян в Малую и Переднюю Азию, с дальнейшей их историей в течение ряда веков, с племенами — компонентами армян и с другими вопросами.

Что касается армянского языка, то совершенно верно, что фонетический облик его отличается от фонетики других индоевропейских языков

¹ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян («Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 101—108).

² А. А. Асмангулян, Против гипотезы о «двуприродности» армянского языка («Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 25, 26).

вследствие определенных стремлений, которые появились в нем под влиянием неиндоевропейского субстрата, на который осели вторгшиеся армяне. Таким же образом претерпела изменения и морфологическая структура армянского языка. Но, тем не менее, многие характерные черты или формы в армянской морфологии убедительно соответствуют формам других индоевропейских языков.

А. Мейе полагал, что Н. И. Марр не смог доказать свое утверждение относительно того, что в армянский язык проникли элементы морфологии неиндоевропейского языка; следовательно, согласно А. Мейе, армянский язык не является «двуприродным», или, как говорят западные лингвисты, «смешанным» языком. Безусловно, в язык могут проникать разные заимствованные приемы словообразования, но традиция определенной морфологической системы сохраняется¹. Вообще многие черты армянского языка определяют его принадлежность к индоевропейским языкам. Кроме того, нельзя сказать, что и синтаксическая структура армянского языка существенно отличается от структуры других индоевропейских языков. Все же тот факт, что язык формировался в неиндоевропейской среде, имел серьезные последствия.

Проблема этногенеза осложняется еще и тем, что процесс образования армянского народа прошел несколько этапов, из которых первый начался с середины второго тысячелетия до н. э. и совпал с периодом интенсивных переселений народов, во время которых пришельцы привели в движение и другие народы, как это мы знаем о народах, отправившихся из Балкан и очутившихся в Малой Азии; этот процесс сопровождался обоснованием пришельцев, зачастую на многие века, на субстрате разных, иногда разнородных, народов. Другой этап отмечается в VIII—VII веках; это уже иной период миграций в Малой и Передней Азии, вызванный нашествием киммерийцев и скифов. В то время народы двигались на восток и на запад, и многие страны, игравшие большую роль в истории древнего мира, как Ассирия, Урарту, Мидия, Лидия и Фригия, исчезли с лица земли. Следуют периоды, в течение которых создается объединение стран к югу от Тавра; VII—V вв. являются периодами окончательного формирования армянского народа. Об этой эпохе мы имеем очень мало сведений: сведения об объединении племен под руководством страны Арме, в рамках ли урартского государства или независимо от Урарту и Ассирии, довольно неопределенны. Возможно, что эти объединения были уже известны под наименованием, близким к названию страны *Арме*, так как Дарий I в следующем веке обозначает бывшую страну Урарту новым названием *Агмина*. Это наименование было распространено мидянами. Затем, в 612 году, узнаем о первом армянском руководителе нового объединения стран к югу от Тавра. Этот первый армянин, сведения о котором еще очень спорны, по имени Паруйр, участвует вместе с царем мидян Киаксаром, во гла-

¹ A. Meillet, *La méthode comparative en linguistique historique*, Oslo, 1915, стр. 82, 83.

ве «армян», в завоевании и уничтожении Ниневии, столицы Ассирии¹. В VII веке формируется, по теории С. Т. Еремяна, еще одно объединение стран в центре бывшего Урарту, в Ванской области, которым руководят вожди армяно-мидянской (?) династии, известной под названием Еруандуни². Все эти сведения нуждаются еще в серьезной проверке и внимательном исследовании. (В настоящее время этим периодом занимаются С. Т. Еремян и молодой армянский ученый Г. А. Тирацян). Для конца VI века у нас есть данные надписи Дария I на скале в Бисутуне (519 г.) об армянах и их восстании против персов, затем сведения Гекатея Милетского об армянах VI века, называемых им, по данным Геродота (490—424), Ἄρμενιοι, и, наконец, в 401—400 годах Ксенофон сообщает, что население Армении говорит на армянском языке. Следовательно, мы можем считать, что армяне уже сформировались как народ, хотя это верно только приблизительно.

* * *

Приступая к очередному по важности вопросу, мы прежде всего должны разобраться в том, следует ли принимать во внимание свидетельства древних авторов относительно происхождения армян и их родства с фрако-фригийцами. Нам известны сведения, сообщаемые Геродотом и Евдоксием, а позднее Страбоном и другими, согласно которым армяне представляют собой ветвь фригийцев, а их язык приближается к фригийскому языку. Трудность состоит в том, что племя, именуемое «армяне» Ἄρμενιοι, никогда не упоминается среди известных нам многочисленных фрако-фригийских племен. Поэтому мы вынуждены прибегнуть к свидетельствам древних историков, даже если они нас не вполне удовлетворяют. Несомненно, сведения древних историков об армянах очень скудны. Но эти сведения все же являются исходной точкой. Нельзя отказываться от этой точки опоры, подкрепляемой и другими аргументами, лишь потому, что для доказательства нашего тезиса эти сведения нам помогают только частично. Лингвисты (П. Кречмер и другие) все же считают заслуживающими доверия свидетельства Геродота и Евдоксия. Что же касается А. Мейе, который известен всем как очень осторожный исследователь, относящийся к сведениям критически, то и он утверждает, что нельзя обходить вниманием свидетельства греческих историков (которые приписывают армянам фригийское происхождение), ибо эти свидетельства весьма точны и вполне заслуживают доверия³. Таким образом, Геродот, который называет армян

¹ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, стр. 14—24; С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян («Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 104). См. также Моисей Хоренский, *Պատմութիւն Հայոց, գիրք Ա, ԳԼ 21*.

² С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян; он же, Проблема этногенеза армян, «Изв. АН АрмССР», 1951, № 6; он же, Рабовладельческое общество древней Армении, Москва, 1953 (автореферат докторской диссертации); Г. Тирацян, *Երանդունիների Հայաստանում* («Изв. АН АрмССР», 1958, № 6, стр. 53—71).

³ А. Meillet, «Revue des études arméniennes», VI, 1, 1926, стр. 335—336.

Φρουρον ἀποικοι (VII, 73), дает нам информацию большого значения, почерпнутую им у Гекатея Милетского, историка VI века до н. э., безусловно знакомого с некоторыми деталями истории народа, сформировавшегося всего лишь за три поколения до него. Мы считаем, что *все сведения* древних историков, а также все тексты должны быть тщательно изучены (что до сих пор еще не было сделано) и сравнены со сведениями армянских историков V века, у которых мы находим армянскую традицию о преармянском периоде.

Конечно, нельзя удовлетворяться нынешним состоянием наших знаний по этому вопросу, но мы должны все же сказать, что разные его аспекты еще совершенно не были изучены или углублены; много лингвистов, которые изучают их, занимают противоположные позиции.

На вопрос, где следует локализовать преармян до их переселения в Малую Азию, Маркварт предлагает свою гипотезу¹, согласно которой армяне жили в северной Фессалии, к югу от фригийцев.

Мы здесь отметим также гипотезу акад. Вл. Георгиева, который локализует фригийцев к востоку от реки Axios — Вардар, а преармян вблизи дако-мизийцев². Нужно считаться с фактом, что преармяне жили долгое время на Балканском полуострове. Как указывает Порциг в труде «Die Gliederung des indogerm. Sprachgebietes», в пользу пребывания армян на Балканском полуострове до их переселения в Малую Азию говорят многочисленные армяно-греческие лексические соответствия, которые являются весьма важными доказательствами ввиду того, что индоевропейский словарный состав в армянском языке в большей части был заменен лексическими заимствованиями³. Порциг полагает, что соседские связи между предками армян, как независимого племени фрако-фригийской группы, и между греками надо относить ко II тысячелетию до н. э., когда предки обоих народов населяли северную часть Балканского полуострова.

Холгер Педерсен также утверждает наличие тесной связи между армянами и греками и объясняет ее временным симбиозом этих народов в период совместного обитания их на Балканском полуострове⁴.

При сравнительном изучении фригийского и армянского языков мы наталкиваемся на большие трудности из-за скудности данных о фракийском и фригийском языках, известных нам, главным образом, по сохра-

¹ J. Markwart, Le berceau des Arméniens («Revue des études arméniennes», VII, 1928, стр. 211 и сл.).

² Вл. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 141—145; он же, Болгарска етимология и ономастика, София, 1960, стр. 101, 126 и 129.

³ W. Porzig, Die Gliederung des idg. Sprachgebietes, Heidelberg, 1954, стр. 157. В. Порцигу кажется значительным факт, что в лексике армянского и греческого языков отсутствует как раз земледельческая и юридическая терминология, которая, однако, имеется в других индоевропейских языках (Die Gliederung... стр. 36). Армяно-греческие изоглоссы указаны в работе Дж. Бонфанте, Les isoglosses gréco-arméniennes («Mélanges Pedersen», стр. 15—33).

⁴ Ebert's Reallexikon d. Vorgesch., I, стр. 222 и сл.

пившимся именам, глоссам и слишком кратким надписям, до сих пор недостаточно исследованным.

И все же сравнительное исследование этих скудных данных дало положительные результаты.

А. Мене¹ был убежден, что по фригийским надписям, опубликованным И. Фридрихом², устанавливается заметное сходство между армянским и фригийским языками.

Хотя Джулиано Бонфанте является теоретиком идеалистического направления неолингвистов, мы считаем положительным явлением его заключение относительно родства этих языков, к которому он пришел в своем сочинении «Armenians and Phrygians»³.

Труды Джулиано Бонфанте и И. М. Дьяконова⁴, а также Вл. Георгиева⁵, Отто Хааса⁶ и Р. Гусмани⁷, устраняют всякое сомнение в наличии генетического родства между фригийцами и армянами, а также между армянским и фригийским языками; вышеупомянутые ученые считают армянский язык самостоятельным языком. И. М. Дьяконов считает, что армянский язык принадлежит к фрако-фригийской группе и подчеркивает тот факт, что язык этот в процессе своего развития претерпел много изменений, в то время как фракийский и фригийский языки могли сохранить свой лингвистический облик, удалившись от индоевропейского праязыка не больше, чем другие индоевропейские языки. Отто Хаас приходит к заключению, что на земле фригийцев жили также армяне, которые говорили на отличном от фригийского, хотя и сродном с ним, языке. Вл. Георгиев также приходит к выводу, что фригийский и армянский языки представляют собой два особых диалекта армяно-фригийской лингвистической группы, или же были двумя языками, родственно близкими между собой.

Но если мы допускаем, что армяне — независимое племя фрако-фригийской группы, то возникает вопрос: какие именно доказательства нам может дать сравнительное изучение армянского и фригийского языков?

¹ A. Meillet, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Vienne, 1936, 2-е изд., стр. 11.

² I. Friedrich, *Kleinasiatische Denkmäler*, Berlin, 1932, стр. 128 и сл.

³ G. Bonfante, *Armenians and Phrygians* («Armenian Quarterly»), I, 1, 1946, стр. 82—100.

⁴ И. М. Дьяконов, *Անթիքի փրիգիացիները և հայերը*, «Известия АН АрмССР», 1956, № 11.

⁵ Вл. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, стр. 138—145; он же, *Тракийский язык*, София, 1957, стр. 76—81.

⁶ Отто Хаас, *Die phrygischen Sprachreste und ihr Verhältnis zum Armentischen*, «Հայոցի սիւսոբյա», 51, 1939, стр. 229—235; он же, *Die Sprachgeschichtliche Stellung des Phrygischen*, «Езиковедски изследования в чест на Ст. Младенов», София, 1957, стр. 454; он же, *Zur Erklärung der neuphyrgischen Inschriften*, WZKM, XLV, 1939, стр. 121—134.

⁷ R. Gusmani, *Il frigio e le alte lingue indoeuropee; ricostruzione delle caratteristiche fonetiche e morfologiche del frigio* («Rendiconti Istit. Lombardo. Cl. Lett.», 93, 1959, p. 17—49); он же, *Studi sull'antico frigio: La popolazione, le glosse frige presso gli antichi*, там же, 92, 1958, p. 835—869; он же, *Le iscrizioni dell'antico frigio*, там же, 92, 1958, стр. 80—903.

Исследования Дж. Бонфанте, Вл. Георгиева, О. Хааса и Р. Гусмани устанавливают целый ряд весьма характерных соответствий в области вокализма и консонантизма армянского и фригийского языков. Из этих соответствий можно отметить сохранение в обоих языках индоевропейского *o (за исключением редких случаев, в которых *o переходит в a; это исключение Вл. Георгиев раньше объяснял влиянием фракийского компонента, а в настоящее время — смежной дако-мизийской группы)¹. Следует также отметить в армянском и фригийском языках переход индоевропейского o > u, как и идентичный переход индоевропейских сонантов n, r, l в an, ar, al.

Индоевропейские глухие смычные переходят в армянском и фригийском языках в придыхательные глухие, а звонкие — в глухие и т. д. Безусловно, имеются и исключения, но они не в состоянии свести на нет целую серию очень важных соответствий в области развития индоевропейского фонетизма в армянском и фригийском языках.

Хотя в области морфологии можно наблюдать только небольшое число соответствий из-за отсутствия более длинных фригийских текстов, все же установленные соответствия оказываются существенными. Так, мы отметим аугмент, характерный при формировании изъявительного наклонения претерита из индоевропейских языков только для санскрита, греческого, фригийского и армянского (греч. ἔ-φερε, санскр. a-bharat, фриг. ε-εταεε, армянск. Է-բեր). Далее укажем, что армянский претерит, именуемый аористом, образуется из форм прошедшего несовершенного времени, форм, пополненных и тематическим аористом. В. Порциг высказывает мнение, что и фригийский претерит образован из аориста². Отметим еще глагольные формы, построенные с медиопассивным элементом — r, имеющимся в итало-кельтских, хеттском и тохарском языках, а также во фригийском и армянском языках: неофриг. εβαχετ-ορ, армян. berēg, berlwg, лат. ad-fert, индоевр. *beretor³. Наконец, в числе очень характерных соответствий в морфологии И. М. Дьяконов обратил внимание на морфему -тп-, предназначенную по его мнению для образования причастий, прилагательных и отвлеченных существительных; морфема -тп- образует в армянском языке отвлеченные существительные типа շարժումն «движение», в которых -тп- сохраняется, когда он следует после индоевропейск. u (в других условиях переходит в -wп)⁴. В фригийском языке эта морфема образует причастие залога типа ετιετιχενος, которому соответствует в греческом языке форма πεφύγμενος. Хотя мы отметили не все известные нам соответствия в морфологии армянского и фригийского языков, следует подчеркнуть, что вышеука-

¹ Вл. Георгиев, Тракийският език, стр. 79; относительно его прежнего объяснения см. Исследования по сравн.-истор. языкознанию, стр. 143.

² W. Porzig, Die Gliederung des idg Sprachgebietes, стр. 88.

³ Vlad Banăţeanu, Elementul -r mediopastiv în armeană clasică, Bucureşti, 1957 («Materialele Sesiunii ştiinţifice a Institut. Pedagogic din Bucureşti», стр. 7—23).

⁴ A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, изд. 2-е, 1936, стр. 48.

занные соответствия очень характерны. Что же касается фригийской лексики, то, насколько нам известно, имеются некоторые очень ясные соответствия и, притом, в отношении не только фонетической формы (с соблюдением закона соответствия), но и конкорданции значения.

Еще недавно компаративисты Запада не допускали возможности родства армянского и фригийского языков, исходя из того, что армянский язык принадлежит к группе языков *satem*, а фригийский язык — к группе *centum*.

Но, на деле, языки, объединяемые в группах *satem* или *centum*, не находятся в более тесной взаимосвязи, чем какой-либо язык одной группы по отношению к языку другой группы; фактически эти термины обозначают не более чем определенное фонетическое явление, имеющее место очень часто в разных индоевропейских языках, в разные эпохи и вполне независимо. Только неправильные взгляды на сущность индоевропейских гортанных звуков привели к теории разделения индоевропейских языков на группы *satem* и *centum*. Эта теория, по словам Б. В. Горнунга, не имея никакого основания, принесла много вреда науке и в продолжение нескольких десятилетий мешала правильному пониманию соотношения между индоевропейскими языками, главным образом правильному пониманию процесса деления языка-базы на диалекты¹.

За последние годы большинство лингвистов, как А. Мейе, Е. Бенвенист, А. Десбрунер, В. Писани, В. Бранденштейн, Е. Хермани, Ф. Спехт, и многие другие ученые Запада отреклись от этой теории. Из советских ученых отметим, кроме Горнунга, также А. С. Чикобава, М. М. Гухмана, А. Десницкую, В. Н. Сидорова, И. Надея и др. Мы сожалеем, что и такой выдающийся компаративист, как Холгер Педерсен, содействовал установлению в лингвистике той предвзятой точки зрения, что армянский и фригийский языки не могут быть сродными, потому что они будто принадлежат к разным группам². Сегодня теория *centum-satem*, которая разделяла фригийский и армянский языки, больше не представляет препятствия для тезиса о генетическом родстве между языками. Разные фонетические трудности, которые мы встречали при сравнении фригийского и армянского языков в связи с объяснением спирантизации или, наоборот, в связи с сохранением велярных звуков, вытекали из этого разделения индоевропейских языков. Поэтому мы решительно поддерживаем точку зрения Б. В. Горнунга и Вл. Георгиева о несостоятельности теории *satem-centum*³.

В связи с вышеуказанным мы считаем вполне возможным подтверждение сродства армян с фригийцами (которые еще со времен обоснования их предков на Балканском полуострове были их соседями), даже принимая во внимание отсутствие сведений из эпохи их проживания на севере Фессалии во втором тысячелетии. Нам кажется невероятным, чтобы та-

¹ Б. В. Горнунг, Проблема распространения индоевропейской речи в доисторическую эпоху, Москва, 1956, стр. 34 и сл.

² Holger Pedersen, *emte* в «Nordisk Tidsskrift for Filologi», 1898, 3, VII и сл.; он же, *Lykisch und Hittitisch*, København, 1945, стр. 5.

³ Б. В. Горнунг, цит. статья и Вл. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, 1958, стр. 53—55.

кие серьезные историки, как Гекатей Милетский или Геродот, на сведениях и свидетельствах которых в значительной мере основано изучение древней истории, предложили недостоверные сведения, квалифицируя армян как родственный фригийцам народ. Достоверность сведений, полученных от Геродота, неоднократно подтверждалась недавними исследованиями.

В Малой Азии мы находим со второй половины второго тысячелетия до н. э. большие массы фригийцев, которые мигрировали с Балканского полуострова и, по всей вероятности, принадлежали к «народам моря», уничтожившим около 1200 г. хеттское царство.

В конце II тысячелетия велась жестокая борьба за Трою (VIIa), которая, наконец, была уничтожена. В Илиаде упоминаются фригийцы как соседи Трои, принимавшие участие в боях (II,862, III,184, XXIV,545). Из всех балканских племен фригийцы по всей вероятности первыми вторглись во внутреннюю Малую Азию. В Пропонтиде известна так называемая *ἡ μικρὰ Φρυγία* (Малая Фригия) — ее называли также *ἡ ἐξ' Ἑλλάδος πρῶτη* (Фригия у Пропонтиды). Можно, следовательно, считать, что первые пришельцы из фригийцев обосновались сначала в Пропонтиде и только позже другие группы вторгшихся фригийцев оттеснили первых внутрь Малой Азии, где и в центральной равнине Анатолии, в долине реки Сангарнос, сформировалась страна Фригия. Они заняли всю Анатолию к западу от Каппадокии и бывшую столицу хеттов Хаттуш.

Согласно традиции, вместе с фригийцами пришли в Малую Азию и предки армян, которых Геродот называет *Φρυγῶν ἀποικοί*.

Возникает вопрос, кто были они? Мы можем ответить только гипотезой, которая нам кажется более вероятной, чем другие. По нашему мнению, предармяне, которые пришли вместе с фригийцами в Малую Азию (и может быть даже находились среди фригийских народов под Троей), это гомеровские *Ἄρῖοι* — аримы (которые упоминаются в Илиаде, II, 78, но уже в Каппадокии, вблизи Мазакис [Kaisarije] на территории табалов и мушков. Мы их отождествляем с пришельцами, осевшими в XIII веке (а может быть и раньше) в стране Ариме, Арме, упоминаемой в источниках с XIII века.

Продвижение фригийцев во внутреннюю Малую Азию произошло в XII веке до н. э. Их относят, как показано выше, к «народам моря». А нам известно, что египетские источники упоминают впервые о «народях моря» еще в конце XIII века¹. Хеттская империя была ослаблена войнами с XIII века, и нам кажется очень вероятным, что некоторые племена (среди них, считаем мы, и племя аримов *Ἄρῖοι*) успели в XIII веке просочиться небольшими группами в район Армянского нагорья, к югу от Тавра, где они образовали страну Арме.

Как мы уже сказали, родство между армянским народом, сформировавшимся на Армянском нагорье, и фригийцами подтверждается с лингвистической точки зрения фонетическими и морфологическими соот-

¹ Нужно подчеркнуть, что египтяне в XIII веке в числе «народов моря» не упоминают фригийцев.

ветствиями, которые были бы обильнее, если бы фригийские материалы не были так скудны. Но близость названных двух народов доказывается и косвенно. Путь фригийской экспансии отмечен курганами фригийского типа, которые из греческой равнины реки Аксиос, через Салоники и Троаду, тянутся, как указывает Н. Адонц¹, по линии Малатия — Харпут — Диарбекир, доходя до горной цепи Сасуна, расположенной вблизи древней страны *Арме*. Материальная культура, открытая раскопками этих фригийских курганов, идентична со следами материальной культуры Трои и отличается своеобразием на всем протяжении упомянутого выше пути, как это удостоверяет Д. Фиммен². Раскопанные во Фригии и в Писидии курганы показали следы материальной культуры, совершенно идентичной культуре Трои, равнины реки Аксиос или равнины Салоник (например, курган около *Vos-öjūk* в Анатолии). Особенно характерна для этих курганов, начиная от равнины реки Аксиос до кургана в *Vos-öjūk*, керамика типа *βεπας ἀμφικυπέλλου* и типа *Schnabelkappe*. Оба типа характерны и для керамики Трои. В Лидии также есть курганы, но уже другого типа, имеющие внутри склепы, к которым ведут длинные галереи.

Безусловно, все это лишь детали, но они подкрепляют тезис о миграции армяно-фригийских племен по отмеченному пути до самого сердца будущей Армении, пути, который ведет из Балканского полуострова. Так как путь для проникновения из Малой Азии на Армянское нагорье был закрыт горной цепью Понта и Пафлагонии на севере и горной цепью Тавра на юге, то оставались только два широких прохода: в юго-восточном направлении и широко использовавшийся путь по верхнему Тигру, который совпадал с линией фрако-фригийских курганов, оканчиваясь, как мы уже видели, в Диарбекире.

При изучении этногенеза армян мы встречаемся еще с другими вопросами, по которым до сих пор исследователи древней истории Армении не достигли согласованности, например с вопросом о стране *Хайаса-Ацци* и о стране *Арме*, который еще осложняется вопросом о народе, названном ассирийцами «мушками».

Невозможно обойти и неразрешенные вопросы периода формирования народа (в VIII—V веках до н. э.), периода, который представляет большие трудности даже для самых лучших его знатоков: акад. Я. А. Манандяна, И. М. Дьяконова, С. Т. Еремяна и др.³

¹ Н. Адонц, «Zeitschrift für Ethnologie», 1901, стр. 181, 209.

² Дитрих Фиммен, *Die Kretisch-mykenische Kultur*, Leipzig, 1929, стр. 103; см. также В. Бранденштейн, *Die Völkerschichten in Troia* (ZDMG, 92, вып. 2/3; 1938, стр. 310, примечание).

³ Акад. Я. А. Манандян, *Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության*, Ереван, 1944; он же, *О торговле и городах Армении*, Ереван, 1954, 2-е изд.; он же, *Արմավիրի հունարեն արձանագրությունները նոր լուսարևունությամբ*, Ереван, 1946; И. М. Дьяконов, *Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам* (ВДИ, 1951, № 2); Б. Б. Пиотровский, *О происхождении армянского народа*, Ереван, 1946; С. Т. Еремян, *Проблема этногенеза армян* («Известия АН АрмССР», 1951, № 6); он же, *К вопросу об этногенезе армян* («Вопросы истории», 1952, № 7); он же, *Рабовладельческое общество древней Армении*, Москва, 1953 (авторферат докторской диссертации).

* * *

Хайаса иногда упоминается в хеттских текстах под названием Ацци: очевидно, обе страны были тесно связаны между собой. Вопросами Хайасы и страны Арме занимались советские ученые и собрали очень богатый материал. Мы отметим труды акад. Я. А. Манандяна, акад. Гр. Капанцяна и Б. Б. Пиотровского (хотя мы не всегда согласны с предложенной ими интерпретацией материала); что же касается вопроса об Арме, то им занимались Я. А. Манандян, Гр. Капанцян, Б. Б. Пиотровский, И. М. Дьяконов и С. Т. Еремян.

Сведения, добытые из *Nethitische Keilschrifttexte aus Boghazkoi*, переведенных Б. Грозным, а также из *Les Annales de Suppiluliuma*¹, переведенных Э. Кавеньяком, не уточняют ни местонахождения Хайасы, ни этнической принадлежности ее населения, ни характера ее языка. Страна была расположена приблизительно в северо-западной части Армянского нагорья, а согласно «Анналам» царя Шуппилиума, граничила со странами Сухме, Ишува и Алше, о которых мы находим сведения также в ассирийских текстах. Население Хайаса-Ацци находилось, как нам кажется, почти в постоянных столкновениях с хеттами, хотя Хайаса входила в состав хеттского царства. Наши сведения указывают, что первое столкновение хеттов со страной Хайаса-Ацци отмечено еще в конце XV и начале XIV вв., при царе Тутхалише III. При этом царе население Ацци и Ишувы проникает в центр этого царства, в «Верхнюю страну», в то время как гашга — народ, отождествляемый греками с колхамн², предаст огню столицу хеттов Хаттуш. Впоследствии народы Хайасы и гашга часто упоминаются в хеттских летописях и характеризуются как народы воинственные и опасные для этого царства. Хеттский царь Шуппилиума навязал царю Хайасы, Хуккана, вассальный договор и выдал за него замуж одну из своих сестер. Но, несмотря на семейные связи, один из последующих царей, Муршилиш II (1360—1330), снова был вынужден вести борьбу с Хайасой в 5—11-м годах своего правления. В десятом году войска Хайасы вторглись снова в «Верхнюю страну» хеттского царства³. Муршилиш II вел войну со страной Хайаса-Ацци еще в 10-м и 11-м годах своего правления. Все, что мы знаем о Хайасе, содержится в хеттских летописях лишь XV—XIII веков. Последние краткие сведения о Хайасе относятся к XIII веку, ко времени царя Тутхалиша IV, когда отмечаются еще столкновения между хеттами и страной Ацци.

Хотя локализация страны Хайаса-Ацци имеет большое значение для наших дальнейших исследований, до сих пор по этому вопросу согласован-

¹ E. Cavagnac, *Les Annales de Suppiluliuma*, Strasbourg, 1931; В. Hrozný, *Nethitische Keilschrifttexte aus Bogazkoi*, Leipzig, 1916—1923.

² И. М. Дьяконов и С. Т. Еремян считают племя гашга одним из абхазо-черкесских племен западного Кавказа, происходящим из области Понта и Колхиды (в ассирийских надписях Kulha). Племя гашга упоминается уже в египетских документах XIV века в форме kskš.

³ А. Гецце, *Das Hethiterreich*, стр. 34.

ности нет. Так, например, Л. Делапорт¹ локализует Хайасу в области Трапезунда, а Аци в долине реки Чорох, в то время как Н. Адонц помещает Хайасу по верхнему Евфрату, вокруг массива Дерсим (он отождествляет город с древним армянским городом Ани-Камах)². Гр. Капанцян помещает Хайасу Аци на северо-западе Армении, у источников Евфрата, Чороха и Аракса, в области, которая соответствует восточной части древней Агтемпа Мипог³. А. Геце, Н. Фридрих и другие помещают ее либо в Агтемпа Мипог, либо в западной части Армянского нагорья.

Неуверенность в вопросе локализации страны Хайаса, которая явилась одним из важнейших компонентов будущей политической организации армян и дала армянам национальный этноним հայ, должна быть срочно ликвидирована исследователями этногенеза армян. Имеется надежда, что карта Урарту, составленная проф. С. Т. Еремянном, будет содействовать окончательному уточнению локализации страны.

Так как нет согласованности в локализации Хайасы, нет ее до сих пор и относительно этнической принадлежности жителей Хайасы. Гр. Капанцян, который считает хайасцев туземцами, происходящими из Передней Азии, производит имя страны Хайаса от корня haу, к которому он прибавляет суффикс -sa. Он не считает возможным установить этимологию корня haу- и видит в нем, возможно, первоначальное название клана или тотема; его тезис подкрепляется, по его мнению, присутствием эпонима *Наук*⁴.

Нам кажется, что Гр. Капанцян прав, приписывая жителям страны Хайаса-Аци локальное происхождение. Хеттские «анналы» показывают что Хайаса в XV—XIV веках была мощной страной, значение которой хеттское царство должно было принимать во внимание. Эта страна позволяла себе неоднократно нападать на самый центр царства «Верхняя страна», и царь Шуппилиумма, намереваясь подружиться с хайасцами, выдал замуж свою сестру за их царя Хуккану. Если бы речь шла о племени индоевропейского происхождения, вторгшемся в XV веке в Переднюю Азию, то следует думать, что оно имело бы возможность проникнуть туда только просачиваясь небольшими группами, так как массивные миграции отмечены лишь в XII веке до н. э. В таком случае не могло бы быть речи о сильной стране, которая осмелилась меряться силами с могучим хеттским государством. Следовательно, население Хайасы не могло быть индоевропейского происхождения, как и не могло быть индоевропейским название страны Хайаса, как не были индоевропейскими и имена царей и сановников Хайасы Karappis, Hukkapa, Appia, Maria, Aissia, Muttiš, Vappijis, Gabiltijis, Aril bizzi и другие, так как некоторые из этих имен встречаем в таблицах из Нузи⁵. Ненидоевропейский характер населения

¹ Л. Делапорт, *Les Hittites*, карта 1, стр. 40, карта 2, стр. 168.

² Н. Адонц, *Histoire ancienne de l'Arménie*, Paris, 1946, стр. 39—40.

³ Гр. Капанцян, *Историко-лингвистические работы*, Ереван, 1957, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ I. Gelb — P. Pongles — A. Mac-Rae, *Nuzi Personal-Names*, Chicago, 1943, стр. 37, 101, 236, 238 и т. д. Тот факт, что мы находим те же имена в таблицах из Нузи, в известной степени указывает на хурритское происхождение населения Хайасы.

Хайасы подтверждается также и тем фактом, что божества этой страны (как это явствует из упомянутых в одном договоре божеств) совсем не тождественны с божествами армянского пантеона; и этот аргумент является одним из важнейших¹. И. М. Дьяконов сомневается в том, что язык населения Хайасы-Ацци был индоевропейским, и в этом отношении мы совершенно согласны с ним²; мы не только сомневаемся, но на основе вышеуказанных аргументов вполне уверены, что хайасцы не индоевропейского происхождения.

Это население ни в коем случае не могло быть и хеттского или хатского происхождения; можно предположить, что если бы это было так, хайасцы не вели бы таких долгих и упорных войн с хеттами. Н. Адонц предполагал, что население страны Хайасы-Ацци было урартского происхождения³. Этот тезис допустим, так как урарты были сродни хурритам; все-таки нужно иметь в виду, что хурриты известны на Армянском нагорье еще с XVII века до н. э.

С. Т. Еремян выдвигает другой тезис. В одном из своих трудов⁴ он утверждает, что как только архивы из Богазкеоя после крушения хеттского царства перестали в XII веке до н. э. упоминать страну Хайаса, в текстах следующих веков упоминается вместо нее страна Хате, которую он отождествляет со страной Хайаса. Население ее, по его мнению, было образовано из предармян индоевропейского происхождения, смешанных с хеттами-неситами, иероглифическими хеттами, хайами, хурритами и другими народами.

Упомянув в своей статье страну Хайаса, С. Т. Еремян присоединяет к этому названию регулярно название Хате⁵. Мы должны отметить еще одно утверждение С. Т. Еремяна, которое им взято из теории Гр. Капанцяна, а именно, что «основные центры территории племени Хайаса передвинулись к верховьям Тигра, в страну Арме или Армина. Здесь эти племена поглотили местное хурритское племя аримов»⁶. Здесь мы встречаемся со старым тезисом Гр. Капанцяна, который С. Т. Еремян в настоящее время уже, конечно, больше не разделяет. Миграция хайасцев на юг и обратно придумана Гр. Капанцяном и не имеет никакого оправдания, как это отметил и И. М. Дьяконов, а хурритский или арамейский характер аримов совершенно неправдоподобен⁷. Совершенно нет нужды в теории

¹ Гр. Капанцяна, Историко-лингвистические работы, стр. 88—97

² См. его выводы в статье *Խեթերը, փյունիկացիները և հայերը*:

³ Н. Адонц, Histoire ancienne de l'Arménie, стр. 272—275.

⁴ С. Т. Еремян, *Հայերի գեղարվեստի ժողովրդերը Արմեն-Շուշրիա երկրում* («Գիտությունների ակադեմիայի հանդես», 1958, 3, էջ 59):

⁵ Там же, стр. 59, 71, 72.

⁶ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян, цит. ст., стр. 102

⁷ См. утверждение Гр. Капанцяна в его труде Историко-лингвистические работы (стр. 156), что аримы должны считаться хурритами или что этимология армин—«армянин» восходит к этнониму агата—«арамеец» (стр. 175, 179 и др.). Мы считаем (далее мы выскажемся подробнее), опираясь на труды ученых S. Moscati, The Aramaean Aḥlamū («Journal of Semitic Studies», vol. 4, № 4, 1959, стр. 303—307), A. Dupont-Sommer, Les Araméens, Paris, 1948 и J. R. Kupper, Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari, 1957 (Kupper, впрочем, утверждает, что Агату—хурритского происхождения, что Moscati в цитир. статье, стр. 304, опровергает), что аримов нельзя этнически связывать с арамеями.

Гр. Капанцяна о походах хайасцев-хайев на юг, о том, что соседние аримам народы называли хайев, вследствие их близкого временного соседства, также с аримами. Возможно, что еще долгое время южные соседи называли аримами или арминами только население южного объединения, возглавляемого страной Арме.

Относительно теории С. Т. Еремяна о том, что страна Хайаса появляется позже под названием Хате, можем сказать, что она нам кажется идентичной тезису И. М. Дьяконова, который указывает, что после крушения хеттского царства, в первой половине первого тысячелетия, как ассирийцы, так и позже урарты называли этнонимом Хате не только население восточной части Малой Азии, но и население Урарту¹, а урартские надписи называют таким же этнонимом также население Armenia Minor (до VII века)². В заключении своего важного труда *Խեթեր, փյուզիացիները և հայերը* И. М. Дьяконов считает, что трудно найти переходные звенья между названием страны Хайаса второго тысячелетия и названием Հայր армян следующих веков. И. М. Дьяконов предполагает, что предармяне из Armenia Minor, где они назывались Хате (*խեթեր*), вторглись в XII веке до н. э. в западную часть Армянского нагорья, а затем в нижнюю часть долины Арацани, до самого Сасун-Арме. Предполагая, что название Хате сохранилось для населения центральной части Армянского нагорья уже после арменизации населения, мы должны по мнению И. М. Дьяконова считать, что Хайаса-Хате является в то же время синонимом народа ханасцев, и от него произошел этноним *Hate > hay*, согласно закономерностям армянской фонетики, как это показывает пример и.-е. **mater > *mathir > *mahir > арм. հայր*.

Мы возражаем против этого тезиса. Из статьи И. М. Дьяконова цитируем дословно: «...Если название Хате сохранилось у населения центральной части Армянского нагорья, тогда нет больше нужды искать других этимологий для этнонима Հայր». Но возникает вопрос: разве спорадическими названиями мы сможем доказать, что название *Хате* сохранилось у населения центральной части Армянского нагорья с XII века до того периода, когда начали действовать законы армянской фонетики? А прежде всего откуда взять доказательства тому, что вообще население центральной части Армянского нагорья называлось Хате?

И. М. Дьяконов безусловно прав, когда утверждает, что жители восточных областей Малой Азии, а также и жители северной Сирии, ассирийцами и урартами назывались собирательным названием Хате, данным урартами и жителям Малой Армении после крушения хеттского царства.

¹ Иначе думает Гр. Капанцяна, Историко-лингвистические работы, стр. 124.

² См. И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту («Вестник древней истории», 1951, № 2-4, стр. 23, прим. 63); он же, Заметки по урартской эпиграфике, II. «Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 112; Г. А. Меликишивили, Назри-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 54 и сл.; он же, Урартские клинообразные надписи («Вестник древней истории», 1954, № 1, стр. 238); он же, Клинообразная надпись царя Русы II из Лдыльджеваза («Сообщения АН ГрузССР», XI, 1950, № 10).

Однако этим общим названием Хате¹ они обозначали население восточной части Малой Азии и северной Сирии с XII века до н. э., только после уничтожения хеттского государства, когда здесь образовались небольшие новохеттские царства, как: Gurgum, Sam'al, Tuwana, Tabal и другие. Все эти новохеттские страны сохранили хеттские традиции; некоторые из них сохранили даже название «страна Хате», как, например, Каркемиш, Malatya (Melitalhe).

Вдоль реки Оронт образовалась страна Хаттина. Даже страна, находившаяся в центральной Сирии — Атигги, была названа Хатти, потому что хетты отвоевали ее от египтян еще во времена владычества Рамсеса I, а Рамсес II не успел отобрать ее обратно у хеттов. Следовательно, название Хате давали в первую очередь тем новохеттским странам, которые располагались от южной половины Малой Армении до северной Сирии. Другие страны редко получали в надписях такое собирательное название².

Это утверждение И. М. Дьяконова, к которому присоединились некоторые арменоведы, нам кажется несостоятельным. Извлечение этнонима *հայ-ք* из корня названия страны Hayasa нас удовлетворяло. Совершенно верно, что начиная с XII века Hayasa не упоминается больше в ассирийских и урартских текстах. Но sporadическое название Хате, данное ассирийскими и урартскими текстами западной и центральной части Армянского нагорья, где мы предполагаем местопребывание хайасцев, не могло все-таки в VIII или VII веке навязать народу хайасцев и закрепить за ним этноним *Хате* > *hay* > *հայ-ք*. Нам кажется, что Хайаса, локализованная с XV по XIII век, согласно хеттским текстам, приблизительно в западной части Армянского нагорья, могла исчезнуть с исторической сцены как страна, но воинственные хайасцы не могли исчезнуть как народ. Можно предположить, что страна продолжала существовать под другим названием. В те беспокойные века политическое образование, царство, возможно, слилось с другими, но народ все же продолжал существовать под названием хайев. Нам кажется, что этноним *հայ*, adopted всеми армянским народом как исключительный этноним, должен быть очень древнего происхождения, древнее, чем армины, армены, которые играли роль вождей политического объединения на юге Армянского нагорья в VIII веке. Если *Хате* перешло в *hay* (*հայ*) на основе законов армянской фонетики только в VII или VI веке, как раз в то время, когда политический престиж страны Арме, как ведущей этнической группы, возглавлявшей южное периферийное объединение племен, был самым высоким, то непонятно, почему принялось именно название *հայ* как исключительный этноним армянского народа. Если в ассирийских или урартских текстах не упоминается больше судьба Хайасы, то следует счи-

¹ Такое название можно было бы сравнить с собирательным названием «малозийцы» или «анатолийцы».

² И. М. Дьяконов все же не уверен в выдвинутом им положении и отметил вопросительным знаком предлагаемую им связь между этнонимом *Наук* и Хате (см. «Материалы к фонетике урартского языка» в сборнике «Вопросы грамматики и истории восточных языков», Москва, 1958, стр. 42).

таться с тем, что эти тексты не могли сообщать о всех происходящих исторических событиях, хотя, все же, не совсем понятно, почему мы не находим никакого упоминания об этой стране. Как нам известно, царь Тиглатпаласар I в своем списке стран (надпись на призме) отметил 23 страны в Наири, а царь Салманасар II сообщает нам другой длинный список стран. Что касается названия Хате, то если на Армянском нагорье оно действительно было присвоено многим мелким и большим странам, то удивительно, как могли сохраниться разные названия стран и племен, о которых нам сообщают вышеупомянутые ассирийские списки.

Все это имеет большое значение, так как нас интересует, с одной стороны, судьба Хайасы, начиная с XII века, после крушения хеттской державы, и, с другой стороны,— этимология армянского этнонима.

Предположим, что обитавшее на Армянском нагорье население Хайасы имело сначала этническое название, которое должно представлять корень *ḫay*, получившийся из *ḫaya-sa* (-sa—малоазийский суффикс для образования названий стран). Значит, очень вероятно или даже достоверно, что этнонимом населения Хайасы с XV до XIII веков было *ḫay*. С XII века архивы из Богазкеоя ничего нам больше не сообщают о стране *ḫayaḫa* и об их жителях хайах (или хайасцах), так как в XII веке происходит крушение хеттского царства. На территории между Антитавром и Евфратом образуются новохеттские мелкие царства, продолжающие традиции хеттов. Понятно, что некоторые из этих мелких новохеттских царств приняли даже название Хате. Только река Евфрат отделяла армянскую Софену (арм. Цопк, которая была вероятно(?) идентична с Ишува) и Акилисену (севернее Софены) от новохеттского царства Малатия, которое называлось и Хате. Таким образом, получает свое объяснение и спорадическое название Хате, данное центральной части Армянского нагорья, где, как мы предполагаем, продолжали жить хайасцы (хайи). Но допустим даже, что название Хате было не спорадическое, а постоянное. В XII—IX веках до нашей эры еще не функционировал закон армянской фонетики, который преобразовывал бы *t* в *y*, чтобы превратить *ḫate* в *ḫay*; это было возможно, по всей вероятности, только начиная с VIII или даже VII века до н. э. Но хайасцы (хайи) не нуждались в этом фонетическом законе, потому что они, вероятно, и до VIII века назывались хайами, получив свой этноним из корня Хайаса (как они назывались и в XV—XIII веках).

Вопрос можно было бы ставить иначе только при допущении абсурдного предположения, что хайасцы (хайи) совсем исчезли с Армянского нагорья.

Интересно поставить еще такой вопрос: допустимо ли с точки зрения ономастики, чтобы *такое название, как Хате*, носившее собирательный характер, *получило качество этнонима*, да еще настолько исключительного, как у армян *ḫay*?

Наименование древней страны Хайаса названием *ḫate* начиная с XII века было бы логично, если допустить правдомерность мнения, выска-

занного давно Иенсеном, а позже Гр. Капанцяном и С. Т. Еремян¹ (которое он больше не поддерживает) о том, что язык племени Хайаса был родствен хеттскому языку². Но и тогда создается довольно странная картина: хайасцы (хайи) сначала якобы носили этноним *Һау* на основании названия страны Хайасы, а с XII века тот же этноним *Һау*, но уже на основании названия *Һате*, страны, родственной хеттам.

Проблема этногенеза армян таит в себе еще немало неясных вопросов; некоторые из них казались второстепенными, но это неверно: следует разобрать все вопросы. Марровская теория тормозила разрешение этой проблемы и имела вредное влияние: некоторые авторы в последнем десятилетии безоговорочно принимали часть его тезисов, а возникновению многих неясностей и неопределенностей содействовало иногда и схематическое или просто декларативное решение вопросов. Нам кажется, что во многих трудах локализация топонимов очень шатка, определена неточно, и потому еще раз повторяем, что карты С. Т. Еремяна, содержащие данные по локализации, извлеченные из всех использованных текстов, будут плодотворны. В этой большой проблеме этногенеза имеется еще много путаницы, потому что, во-первых, ни главные, ни второстепенные вопросы еще не проверены в деталях, а во-вторых, потому что почти все исследователи имеют собственные точки зрения, как по главным, так и по второстепенным вопросам.

Нам хотелось бы здесь продемонстрировать еще пример ошибочной локализации данных урартских текстов. С. Т. Еремян в одной статье³ указывает, что центральная область Хайасы, Акилисена, то есть область с городами Ани-Камах и Ерзенга, в урартских надписях называется Хаттина, хотя известно, что Хаттина — новохеттское царство, с городом Тегагатта, идентичное стране Торгома, которую древнеармянская традиция считает родиной армян. Возможно, что как раз эта деталь, ставшая известной урартам, и дала им мысль назвать и Акилисену, центр хаев, названием Хаттина.

Крупнейший болгарский лингвист Вл. Георгиев сформулировал новую теорию. Она остроумна и весьма заманчива, но мы не можем согласиться с ней, так как она наталкивается на тот исторический факт, что Хайаса упоминается уже с конца XV века и что ее население, судя по хайасскому пантеону, божества которого упомянуты в одном договоре, а также судя по известной нам ономастике царей и сановников, не могло быть индоевропейским.

¹ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян («Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 101).

² Нам известны попытки Гр. Капанцяна найти лексические соответствия между армянским и хеттским языками.

³ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян («Вопросы истории», 1952, вып. 7, стр. 101). Мы хотели бы подчеркнуть, что считаем важными его выводы о процессе объединения племен во главе со страной Арме и их консолидации, приведшей к образованию народности в VIII—VI веках. Это очень важный процесс, который пытаются изучить и некоторые другие советские арменоведы, среди них — Г. Тирацян.

Вл. Георгиев утверждает в своих трудах¹, что наименование Хайаса связано с названием пеонов (Παίονες), которые пришли вместе с меонами и дарданами с Балканского полуострова в Малую Азию. Вл. Георгиев считает их фригийцами², используя свидетельство Страбона о том, что Пеония — это страна, из которой происходят фригийцы (Παίονες Φρυγῶν ἀρχηγέται;³).

Георгиев помещает меонов в Phrygia Major, а пеонов в Phrygia Minor, т. е. в Пропонтиде; позже, в конце II тысячелетия, пеоны переселились, по его мнению, в Малую Армению, основав страну Хайаса. Мы возражаем против этого тезиса, потому что передвижение пеонов в Armenia Minor в конце II тысячелетия не отмечается никакими историческими сведениями; а затем, нужно еще раз напомнить, что Хайаса известна уже в конце XV века. Согласно Георгиеву, название Μαίονες, Μαίονια, вероятно, тождественно со сравнительной степенью *mā-līōn в смысле «malog» для страны Phrygia Major; а что касается страны Phrygia Minor в северо-западной части Малой Азии, населенной пеонами, то ей согласно гипотезе Георгиева было дано название (Φρυγία) *Παίων (т. е. Phrygia Minor), причем *Παίων представляет собой сравнительную степень *reu-līōn «меньший». Аргументация Вл. Георгиева сводится к следующему: армяне называют себя этническим наименованием хай-к (հայ-ք), которое имеет, вероятно, связь с корнем древнего названия страны Хайасы, территория которой, по мнению Георгиева, совпадала приблизительно с пространством страны Armenia Minor; в таком случае наименование Хайаса можно истолковать при помощи названия Παίονα, т. е. reu-līōn «меньший», так как в армянском языке н. е. *p > арм. h. Однако мы должны возразить на это, что закономерности армянской фонетики не могли проявляться еще в XV—XIV вв. до н. э. (т. е. в эпоху, когда уже отмечена Хайаса в текстах); особенности армянской фонетики, столь отличной от фонетики других индоевропейских языков, начинают кристаллизоваться гораздо позже, вследствие слияния с другими неиндоевропейскими народами и под их влиянием⁴.

Следует упомянуть здесь и серьезную ошибку Гр. Капанцяна в связи с Хайасой, ошибку, которая, кажется, повлияла и на других ученых. О Хайасе с XII века до н. э. исторические тексты не упоминают. Не имея ни-

¹ Вл. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, 1958, стр. 145—171 и Тракийский язык, София, 1957, стр. 82; см. также В. Порциг, Die Gliederung des indogerm. Sprachgebietes, стр. 123.

² В. Тамашек, П. Кречмер, Г. Казаров и X. Крахе считают их иллирийцами.

³ Страбон, VII, 331, стр. 38.

⁴ Нужно отметить, что этническая принадлежность пеонов не ясна (O. Demling, Die Leleger, стр. 85). Но нам известно по сведениям древних историков, что они пришли в Малую Азию из области реки Аксиос в Македонии; в Илиаде они упомянуты как племя, принимавшее участие в борьбе под Троей.

какой возможности подкрепить свое мнение исторической справкой, Гр. Капанцян все-таки утверждает, что хайасцы переселились в VII веке (из области, известной нам со времен хеттского царства) на юг и на восток, в долину реки Арацани, вблизи горного массива Сасун, а затем и дальше, в область, называвшуюся позже *Aldzmk'*. 'Արձանդի'¹. Продолжая свою экспансию на юг и на восток, они столкнулись с урарто-хурритами, и вследствие столкновения, скорее мирного, чем воинственного, между хайасцами и хурритами началось взаимообращение. Перемещение хайасцев на юг возобновилось, по мнению Капанцяна, и они будто бы дошли до новохеттского царства Малатия (Тегарамма). Сильное сопротивление со стороны арамеев (отождествляемых им с аримами, 'Արիմո'², позже называвшимися персами *Arminia*), а также со стороны населения страны Шуприя, которое Капанцян считал полуарамензированным, заставило хайасцев покинуть новые области в горах Тавра и вернуться в северо-западные области Урарту, т. е. в западную часть Армянского нагорья. Эта теория Гр. Капанцяна о предыстории армян является самой необоснованной и слабой частью его труда. Она лишена всякой исторической опоры и полна декларативных утверждений.

И. М. Дьяконов к тезису Капанцяна о переселении хайасцев на юг и обратно на север, за отсутствием исторической основы, относится критически. Мы совершенно согласны с ним, так как ничто не оправдывает эту гипотезу.

Много споров и много сомнений (по нашему мнению, весьма справедливых в отношении деталей) вызывает вопрос о стране *Ариме*, *Арме*, *Уруме*. Основными исследователями этого вопроса являются советские ученые Б. Б. Пиотровский, И. М. Дьяконов и историк-арменовед С. Т. Еремян³.

Они опубликовали ряд трудов в области исследования истории предармян, чем создали предпосылки для заключительной стадии изучения этногенеза армян. Что касается страны Арме, упомянутые ученые считают, и мы с ними вполне согласны, что страна Арме была центром образования будущего армянского государства, центром борьбы за политическую самостоятельность с угасавшим царством Урарту и заняла впоследствии его место⁴.

Страна Арме появляется в ассирийских надписях как *Ариме* или *Уруме*. Древнейшая из известных нам надписей, упоминающих эту страну,

¹ Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы, стр. 155, 172.

² Далее мы приведем аргументы, которые опровергают это утверждение Гр. Капанцяна.

³ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946; И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, I, «Эпиграфика Востока», IV, 1951; он же. *Պեթեթեր, փոյունքի արձանները և հայերը* («Известия АН АрмССР», 1956, № 11); С. Т. Еремян, *Հայերի ցեղային միությունը Արմե-Շուպրիա երկրում* («Պատմա-ճարտ. հանդես», 1958, № 3, стр. 59—74) и др.

⁴ Б. Б. Пиотровский, цит. труд, стр. 29.

относится к XIII веку и описывает поход Салмансара I на страну *Арме*, локализованную в надписи к северу от гор Кашшияри и близ верхнего течения Тигра¹. Надписи описывают упорную борьбу Салмансара I (1821—1256) с этой независимой страной. В XII веке страна *Арме* упоминается уже под именем Уруме *mâtU-gu-ta a-ja* (в надписях Тиглатпаласара I (1115—1077)). Одна из надписей того же царя сообщает о вторжении войск гашгайцев (которые назывались и абешлайцами) и урумейцев, спустившихся из Алци и Пурулумци.

С XII века дошел список стран царства Наири, составленный царем Шамшиададом II, в котором снова упоминается название Арима: *mâtA-gi-ta-a¹*². От царя Ашшурнасирапала I имеется надпись, в которой он сообщает, что принял в Тушке (Туш^hа) дань от стран *Bit-Za-nani*, *Шуприя*, *Нирбу* и *Уруме* (*a¹U-gu-me*).

Из урартского периода имеются надписи, опубликованные акад. Г. А. Меликишвили, которые называют страну *Урме*, *Уруме*, *Урмеухи*, *Урмеуни* или *Арме*³. Все эти формы — Арме, Ариме, Уруме и т. д. — являются, очевидно, вариантами того же названия (ср. Урашту, Арашту и др.).

Нам хотелось бы обратить внимание на один факт, оставшийся, как будто, незамеченным, а именно на договор хеттского царя Шуппилулиума (1390—1360) с *Маттиваза*, царем Митании, в котором упоминается восстание страны Ишува и отмечается факт поддержки восстания не только населением известных нам стран, как Харрара, Тегарамма, Гашга, но и населением страны *Арматана*. С. Т. Еремян сообщил нам лично, что он отождествляет Арматану с определенной областью, находившейся в центре Хайасы.

Было ли население упоминаемой в хеттском документе XIV века страны Арматана индоевропейским, подобно населению страны Арме, или другого происхождения? Арматана и Арме сформированы из корня одного и того же индоевропейского этнонима, и хотя ни одно, ни другое не может быть точно установлено, гипотетически можно предполагать индоевропейское происхождение населения страны Арме. Если бы подтвердилась гипотеза, что страна, упоминаемая в хеттском документе XIV века, тождественна с Арме, упоминаемой в XIII веке ассирийцами, то в таком случае это было бы *первым упоминанием населения Арме в XIV веке в*

¹ У Птолемея (V, 15) мы находим *Овррцл*, помещенную близ Западного Евфрата, в то время как М. Стрек локализует ее восточнее Евфрата.

² Maximilian Streck, *Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften*, München, 1893, стр. 9. Князем страны Арима в надписи (Шамшиадад, III, 51) назван *Bi-si-ga-in*. Имея в виду предполагаемое (фрако)-фригийское происхождение населения страны Ариме, мы думаем, что могла бы быть исследована, как гипотеза, возможность, что это имя соответствует фракийскому имени *Βισυρς*, упоминаемому Гезихием (см. Д. Дечев, *Die thrakischen Sprachreste*, Viena, 1937, стр. 72).

³ Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, «Вестник древней истории», 1953, № 1—4; 1954, № 1; он же, *Нагри-Урарту*, стр. 51—52, 248.

хеттском тексте. Но возникает вопрос: как могло попасть население страны Арме в центральную часть Хайасы?

Припомним здесь утверждение С. Т. Еремяна в труде «Племенное объединение армян в стране Арме-Шуприя»¹ о том, что гомеровские аримы (индоевропейские предки армян) были одним из народов, обитавших в XIV—XIII вв. в стране Хайаса, народ, который впоследствии мигрировал из Хайасы на юг и дал Шуприи название Арме. Это, конечно, утверждается без всякой исторической опоры и связано с точкой зрения Гр. Капанцяна, который полагал, что хайасцы спустились в VII веке с севера до самого Арме. Еще в XIII веке ассирийцы вторглись на территорию, расположенную севернее горной цепи Кашшняри, где и узнали урумейцев (аримов). Ассирийцы путали их позже с мушками и называли то мушками, то урумейцами². Имеется надпись Тиглатпаласара I (1115—1077), в которой он говорит о вторжении гашгайцев, урумейцев и хатов в страны Алци и Пурулумци (занятые за 50 лет до этого мушками, факт, который может объяснить путаницу в отношении урумейцев и мушков, если она имела у ассирийцев). В других надписях Тиглатпаласар I снова упоминает урумейцев и абешлайцев (абешлайцы — вариант названия гашгайцев)³.

Утверждение С. Т. Еремяна о том, что урумейцы спустились из Хайасы, ясно отразилось в отрывке: «...Очевидно эти гашга жили севернее Хайасы, где в то время обосновались индоевропейские предки армян — аримы, урумейцы»⁴. Дальше он утверждает, что мушки и урумейцы, обосновавшись на территории Шуприи, ассимилировали местное хурритское население. Хотя территория и была занята урумейцами, она продолжала называться «Шуприя»; но все же следует предположить, что с обоснованием урумейцев возникло также и название «Страна Уруме». Не думается, чтобы этот тезис можно было отстоять. О племени гашга мы знаем, что оно обитало на территории, расположенной севернее страны Хайаса, но никаких сведений не имеем о том, что урумейцы пришли из Хайасы в конце XII века и обосновались в Шуприи, которая стала называться по их этнониму; наоборот, нам известно, что страна Ариме или Уруме расположена *вблизи Шуприи и упоминается еще в начале XIII века* царем Салманасаром I (1281—1256). Мы уже цитировали надпись Ашшурнасирапала I, в которой речь идет о том, что он получает дань от стран *Bit-Zamani Шуприа, Нирбу и Урме* — стран, расположенных к югу или юго-западу от озера Ван. Значит, в его надписи Урме не идентично с Шуприей, а является самостоятельной страной. В надписи Тиглатпаласара I (1115—1077) сказано, что царь по пути в Урме должен был пересечь Алше, Пурулумци

¹ С. Т. Еремян, Հայերի ցեղախմբի միութենական Արմե-Շուքրիա երկրում, стр. 59.

² Там же, стр. 60.

³ Г. А. Меликишвили, Население северных областей Наир-Урарту и его роль в древневосточной истории, «Доклады делег. СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», 1960, стр. 7; он же цитирует O. Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. II, Leipzig, 1921, № 17a.

⁴ С. Т. Еремян, цит. статья, стр. 61.

и Шуприю. Следовательно, местоположение страны Уруме известно достаточно точно. Урумейцы известны были как ассирийцам, так и, позже, урартам, потому что они организовали для защиты против ассирийцев, а затем и против урартов, племенное объединение, в которое, по всей вероятности, входили все племена, жившие к югу от Тавра.

Поддерживая тезис тождественности древних аримов с населением, которое дало еще в начале XIII века название стране Ариме, Арме, мы считаем возможным объяснить упоминание Арматаны на территории Хайасы тем, что аримы во время своего переселения по направлению к горам Тавра могли остановиться на некоторое время в пределах центральной Хайасы, там, где по утверждению С. Т. Еремяна должна быть локализована область Арматана. Однако мы связываем ее с названием страны Арме лишь гипотетически¹.

Так как хайасцы не представляют собой индоевропейского элемента армянского этноса, сформировавшегося в течение первого тысячелетия до н. э., остаются лишь два индоевропейских элемента, которые можно считать вошедшими в состав армянского народа, а именно: население страны Арме, древние 'Αρμιοι, а затем мушки, вопреки мнению проф. Г. А. Меликишвили и Гр. Капанцяна, которые приписывают населению страны Арме хурритское происхождение. К сожалению, между советскими арменоведами нет согласованности в одном из важнейших вопросов этногенеза армян, в вопросе этнических компонентов, составивших армянский народ. Так, например, хеттов нельзя считать компонентом армянского этноса, а вклад хеттского языка в армянский язык несуществен, вопреки мнению С. Т. Еремяна и Гр. Капанцяна (последний пытался разыскать лексические соответствия между хеттским и армянским языками). Х. Педерсен указывает, что армянский язык представляет собой как раз антипод хеттского², а И. М. Дьяконов считает, что хеттско-армянские лексические соответствия не относятся к основному словарному фонду.

Нам хотелось бы добавить здесь еще некоторые суждения относительно аримов.

Мы считаем этноним 'Αρμένιοι вытекающим из названия страны Арме; этот этноним сформирован греческими историками под влиянием названия Αρμίπυα, данного аримам мидянами и персами. Здесь положение ясно.

Совсем иначе обстоит дело с тем тезисом, что "Αρμιοι родственны с фригийцами и что они участвовали в образовании армянского народа в качестве его индоевропейского компонента (хотя этот тезис весьма вероятен). И. М. Дьяконов, С. Т. Еремян и другие ученые допускают мнение, что аримы являются предками армян³. Оно имеет много сторонников, но

¹ Мы совсем не согласны с тем, как Маркварт ведет гомеровских аримов ('Αρμιοι) от горы 'Αρμύιον, вблизи Мазакки, по всему Армянскому нагорью, чтобы довести их до области Арме.

² Холгер Педерсен, *Lykisch und Hittisch*, 1945, стр. 5.

³ С. Т. Еремян, *Հայերը ցեղաբանական և ժողովրդագրական կրթության հարցում*, стр. 59; И. М. Дьяконов, *Պեղծվածք, փոխադրվածքներ և հայերը* («Изв. АН АрмССР», 1956, № 11).

идентичность названия аримов и арминов может иметь в своей основе и совершенно случайное сходство. Однако возможна ли здесь подобная случайность? У нас нет прямых доказательств идентичности аримов (Ἄριμοι) с населением страны Ариме, Арме, но различные аргументы подтверждают такое объяснение, и это отождествление правдоподобнее всех других. Мы здесь не будем перечислять аргументы.

Известно, что фракийцы начали обосновываться в Малой Азии еще с середины второго тысячелетия до н. э. За ними следовали фригийцы. Нет сомнения в том, что фрако-фригийцы принадлежали к «*народам моря*», вторжение которых, по данным *Хроники из Пароса*, совпадает с началом гомеровской Трои (XIV век до н. э.). «*Народы моря*» воевали с Рамсесом III в конце XIV века, а затем и с другими фараонами, но египтяне не были в состоянии задержать насильственное или мирное проникновение этих народов в Малую Азию и на побережье, интересовавшее египтян. Один из египетских источников XIII века говорит о «*народях моря*», в числе которых названы народы Luku, Danuwa, Sagalassa, Šardanu, Tursa, Akhaiwasa (но не упомянуты фрако-фригийцы)¹. Многие из главных племен, воевавших под Троей, упоминаются в Илиаде. После уничтожения гомеровской Трои (Троя, VIIa), которое согласно *Хронике из Пароса* произошло в конце XIII века, многие известные по Илиаде племена распространились по всей Малой Азии. Фригийцы были сродни троянцам. Хотя в Илиаде и имеются намеки на этническую близость троянцев с фригийцами, все-таки *Гимн к Афродите* (стихи 107—116) свидетельствует, что речь идет о двух самостоятельных народах, принадлежавших к *одной* лингвистической группе. Илиада, III, 184—190 показывает, что фригийцы во время войны под Троей уже владели территорией около реки Сангарий². Вместе с ними были, вероятно, и разные родственные им племена. Если Гомер упоминает аримов, то они ему известны или по битвам под Троей, или же как первоначально осевшее в Пропонтиде вместе с фригийцами племя. Гомер локализует аримов на юге Каппадокии, у горы Ἄρῆϊόν или Ἄρῆϊος близ Мазак (II, 783); Маркварт, как уже было сказано, зря пытается показать пути, которыми аримы дошли до области, занятой ими на юге Тавра (это совсем неважно). Важным нам кажется то, что мы можем отождествить племя аримов, известное нам из Илиады, с населением страны Арме, которое вероятно явилось индоевропейским компонентом армян (так как хайасцы не могут считаться индоевропейцами). Нет никакого сомнения в том, что аримы, население страны Арме, образовали армянский народ вместе с хайами (хайасцами).

Здесь следует подчеркнуть грубую ошибку Страбона, которая повлияла и на Гр. Капанцяна.

Страбон упоминает аримов (XII, глава 3, 27; глава 8, 19), располагая их в южной Киликии, у реки Kalykadnos, в Сирии и Мизии (XIII, 4, 6);

¹ Gaston Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, II, 363 и; сл. 462 и сл.

² См. Страбон, XIII, 586 об их распространении до Praktios.

но он ошибочно отождествляет их с арамеями (XVIII, гл. 4, 27), что совершенно недопустимо, так как арамеи впервые упоминаются в северной Месопотамии около 1130 года под названием Ахламу (Ahlamu)¹. Страна Арме была известна уже с XIII века в ассирийских надписях, арамеи же на севере Месопотамии — только с конца XII века.

Гр. Капанцян воспринял ошибочное отождествление Страбоном аримов с арамеями; поэтому следует уточнить, что арамеи пытались вторгнуться в Месопотамию, но их остановил отец Тиглатпаласара I, Ашшур-решши, который уничтожил их в 1130 году в битве вблизи Багдада. Сегодня мы уже не можем принимать тождество аримов с арамеями.

* * *

Возникает вопрос: удовлетворяет ли нас разрешение проблемы аримов как племени, составившего индоевропейскую базу армянского народа? Подведем окончательные итоги. Армянский язык — язык безусловно индоевропейского происхождения, сформировавшийся на неиндоевропейском субстрате. Предармяне находились в тесном этническом родстве с фригийцами, а их неиндоевропейский субстрат составили урарты и хурриты. Миграцию из Европы нужно признать: в настоящее время установлен даже факт миграции хеттов из Европы, хотя имелись мнения об их миграции с Востока (которые уже беспочвенны). Армянский язык не только близко родственен фригийскому языку, но он очень близок по лингвистическим критериям и к греческому языку². Различные труды, из которых мы упомянем только труды В. Бранденштейна³, указывают на то, что в Трое воевали фрако-фригийцы, которые впоследствии обосновались в Малой Азии. Многие собственные имена, которые находим в Илиаде, оказываются фракийского и фригийского происхождения. Через Трою проходили все фрако-фригийские племена, которые оседали впоследствии в Малой Азии. Среди названий различных племен находим в Илиаде также племя "Αριμοι. Мы считаем, что это племя — индоевропейского происхождения и связываем этноним "Αριμοι с названием страны, расположенной к югу от Тавра — *Арме*, позже *Арме*, *Урме*, которой в VI веке до н. э. присваивается название Армина, греки же называют народ этой страны Ἀρμένιοι. Хайасцы являются важным компонентом в формировании армянского народа, но хайасцы не индоевропейцы, а, по всей вероятности, сродни хурритам.

¹ Ahlamu аккадских источников — это племя, которое жило на границе сиро-арабской пустыни и постепенно просачивалось в Месопотамию. Оно известно еще с XIV века, в письмах из Tell-el-Amarna (A. Dupont-Sommer, Les Araméens, 1948, стр. 16—18). В надписях Тиглатпаласара I (1115—1077) это племя названо «арамеи-ахламу» (S. Moscati, The Aramaean Ahlamu, «Journal of Semitic Studies», IV, № 4, 1959, стр. 303).

² Известно, что фригийцы долго были соседями греков на Балканах.

³ В. Бранденштейн, Die Völkerschichten in Troia, ZDMG, 1938, том 92, вып. 2/3, стр. 310—316.

Имеются и другие попытки представить процесс образования армянского народа; мы имеем в виду попытки Е. Форрера, Р. Груссе, К. Биттеля. Форрер, например, считает, что Гординос, или Гурди, царь мушков и Тегараммы (Тогармы), вывел «армено-фригийцев» из Тегараммы и обосновался с ними в Армении¹. Здесь «армено-фригийцев» представляют нам как мушков VII века (хотя нам известны мушки вблизи страны Арме еще с XII века до н. э., когда они вторглись в области, расположенные к югу от Тавра, где образовали «царство Мушани»). Значит, если считать мушков предками армян, так уж мушков не VII века, а XII века, которые основали «царство Мушани» вблизи страны Арме. После уничтожения Фригии и Мидии киммерийцы потерпели в 645 году окончательное поражение от ассирийцев в Киликии².

В 612 году неожиданно пало под ударами мидян ассирийское царство, и это событие привело, по мнению Груссе³, к тому, что часть фригийцев гаптрарглась на восток, в Армению. К этим положениям примыкает также мнение Н. Адонца, который руководствуется информацией Страбона⁴, позднего историка; Страбон, почерпнувший свои сведения от греческих историков Кирсила и Медия, сообщает, что часть армян заняла Акилисесну и Софену, а другая часть заняла Супритис, то есть Шуприю, до самой Адиабены. Н. Адонц считает, что армяне, пришедшие из Анатолии во время хаоса, царствовавшего после падения Ниневии (612), смогли занять Урарту с юга, не встречая никакого сопротивления. Почти то же самое утверждает и Биттель, а именно, что армяне пришли из восточной Анатолии и обосновались в Урарту только в VI веке (после уничтожения царства Урарту скифами в 585 году)⁵. Другие ученые считают, что индоевропейским компонентом народа следует считать только киммерийцев, которые вторглись в Переднюю Азию в VII в.

Нам кажется, что все вышеуказанные мнения порождены агностицизмом западных ученых, предпочитающих изучать вопрос этногенеза отбрасывая в сторону все, что представляет трудности, или же преподносящих нам положения декларативного характера. У нас нет сведений о том, что мушки, фригийцы или киммерийцы⁶ в VII или VI веке образовали объединение племен в странах к югу от Тавра, с целью добиться независимости на Армянском нагорье. А в VII веке уже нельзя говорить о «предармянах». Где же скрывались эти «предармяне» на протяжении многих веков, если исторические источники ничего не могли сообщить о них? В VIII и VII веках исторические события и переселения народов уже были

¹ Е. Форрер, *Provinzeinteilung*, стр. 80–81; Р. Груссе, *Histoire de l'Arménie*, 1947, стр. 67.

² G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, стр. 430.

³ Р. Груссе, *Histoire de l'Arménie*, стр. 68.

⁴ Страбон, XI, гл. 4, 8; гл. 14, 12.

⁵ К. Биттель, *Grundzüge der Vor-und Frühgeschichte Kleinasiens*, 2. Aufl. Tübingen, 1950.

⁶ Киммерийцы никак не связаны с армянами, ни с этнической, ни с лингвистической точки зрения.

в поле зрения историков или анналистов настолько, что не могли не быть замечены. Поэтому мы и считаем подобные теории абсолютно неприемлемыми и характерными для западной арменистики, которая стремится обойти те трудные вопросы, для разрешения которых советские арменоведы и урартоведы прилагают столько усилий.

* * *

Мы еще не занимались вторым индоевропейским компонентом армянского народа, который ассирийские тексты называет мушку или мушки. Мы знаем, что мушки проникли в XII веке до н. э. на территорию Шуприи, но о них еще не сложилось окончательного мнения.

Хуго Винклер был первым¹, который отождествил их с фригийцами на основании того, что ассирийцы называли фригийцев *мушки*, а страну фригийцев «*страною мушков*». Мушки входили в состав царства Фригии, но генетически не были тождественны с фригийцами, а Форрер даже считает страну мушков территорией, политически независимой от фригийского царства. По всей вероятности, они являются древними *Μυσοί*, но, согласно сообщению Страбона, они происходят от фракийского племени *Moesi* с Балканского полуострова. Когда *Μυσοί* впервые обосновались в Малой Азии, их страна находилась между Лидией и Фригией, и фригийский и лидийский языки оказали сильное влияние на мизийский. В течение следующих веков мушки проникли в восточную часть Фригии и обосновались на *восточной периферии* Малой Азии, где они основали *царство мушков*, по Форреру *matmuškarāḫ*, *matmuškiḫi*, *KURmušeka*, *KURmuškiḫi* ассирийских надписей. Их упоминает в XIV веке хеттский царь Муватталиш, а как утверждают Ф. Билябель и Вл. Георгиев, они встречаются в XIV веке и в египетских источниках. За этнонимом мушков *m's(w)* в этих сведениях непосредственно следует *dgdnj*, названия, интерпретированные вышеупомянутыми учеными² как *Μυσοί* и *Δαρδάνοι*. Оба народа жили в Троаде, откуда *Μυσοί*, мушки проникли на территорию, расположенную южнее цепи Армянского Тавра, и осели вблизи страны Ариме, Арме.

Мы считаем, что ассирийские и урартские сведения *страну мушков* с большей или меньшей определенностью локализуют на восточной периферии Фригии, к востоку от среднего течения Галиса, к северу от

¹ Хуго Винклер, *Auszug aus der Vorderasiatischen Geschichte*, 1905, стр. 57 и сл. Гомер упоминает их в Илиаде сражающимися за Трою вместе с фригийцами. Страбон (VII, 3, 2; XII, 4, 8, 3), Арриан из Никомедии (фрагм. 36, 37, цитир. в *Fragmenta historicorum graecorum*, III, 593), Константин Порфирогенет (liber I, гл. 3 и др.) считают, что мизийцы — фракийского происхождения. Гелланик из Лесбоса сообщает, что *Μυσοί* обитали на Балканском полуострове в стране Пеонии, т. е. в северной части Македонии (Гелланик из Лесбоса, фрагм. 46, см. также и Илиаду, XIII, 4—5).

² Вл. Георгиев, *Тракийский язык*, София, 1957, стр. 79—80; Ф. Билябель, *Geschichte Vorderasiens und Ägyptens vom XVI—XI Jhd. v. Chr.*, 1927, стр. 231 и сл.

Антитавра и к западу от Каппадокии¹. «Анналы» ассирийского царя Тукульти-Нинурты II (889—884) являются главным источником по истории мушков. В цитированном труде Н. Хазарадзе указывается, что в ассирийских текстах XII—XI веков до н. э. название «мушков» передавалось как *matmuš-kiṣi* или *matmuš-kaṣi*²; мы видим, что первый слог соответствует первому слогу греческого названия *Μεσ-οι Μεσ-υοι* (у Страбона), *Μεσ-υοι* (у Прокопия)³.

В XII веке мушки проникли на территорию, расположенную к северу от гор Кашшияри. Царь Тиглатпаласар I сообщает, что в XII в. мушки организуют в области Харпута, в современной области Мусадаса, объединение племен, названное в ассирийских надписях «царство Мушани»⁴. Довольно поздно (в 882 году) группа мушков проникает до области Харпута и ведет бои с Ашшурнасирапалом II. Хотя мушки осели и занимались земледелием, все-таки кажется, что обосновавшееся здесь к северу от гср Кашшияри население страны Арме и мушки представляли собой самую воинственную часть горских племен.

В рамках нашей статьи мы не можем проследить и углубить вопрос о мушках, но нам кажется, что мушки сродни предкам армян и могли образовать вместе с ними ядро мощного политического союза против ассирийцев и урартов. Имеются некоторые неясности в вопросе индентификации этноса мушков, их вклада в процесс образования армянского народа и их участия в образовании грузинского народа⁵.

По нашему мнению, аримы и мушки образуют в вышеупомянутом территориальном союзе наиболее устойчивое ядро, будучи *генетически родственными*; вследствие этого они, вероятно, поддерживали на протяжении нескольких столетий стремление населения к независимости, сражаясь упорно против ассирийцев и урартов. Все же следует отметить, что ядро аримов было численно более мощным, чем мушков. По всей вероятности, страна Арме возглавляла территориальный союз, в который входило и «царство» мушков, страны Ишува, Шуприа, Алше, Пурулумци и много других «стран». Союзу удалось объединить все мелкие страны и народы Армянского нагорья в одну политическую единицу. Борьба союза этих

¹ Нана Хазарадзе, К вопросу о восстановлении названия «страны мушков» в «Анналах» Тукульти-Нинурты II («Восточный сборник», I, Ин-т истории АН ГрузССР), Тбилиси, 1960, стр. 89.

² Там же и В. А. W. Budge and L. W. King, *Annals of the Kings of Assyria*, 1902, стр. 35, 112, 116—117, 130, 133, 279.

³ Ср. тезис Вл. Георгиева относительно третьего этнонима армян (Тракийский язык, стр. 79); иначе думает Б. Б. Пиотровский (О происхождении армянского народа. Ереван, 1946, стр. 24).

⁴ Надпись гласит: «Сначала моего царствования 20 000 мушков (которые 50 лет назад заняли области Алци и Пурулумци) спустились с гор под предводительством 5 царей и заняли страну Кадмухи» (И. М. Дьяконов, *Ассирийско-вавилонские источники по истории Урарту* (ВДИ, 2, 1951, стр. 270).

⁵ Считаю нужным указать, что акад. Вл. Георгиев — крупнейший лингвист и компаративист — первым высказал мнение о том, что мушки имеют свою долю в деле образования армянского народа (Тракийский язык, стр. 81 и другие труды).

стран с ассирийскими царями, а затем, в эпоху урартов, с царями Менуа, Аргишти I, частые войны с Сардури II свидетельствуют об их воинственности и свободолюбии; Ассирия и Урарту не были в состоянии их окончательно подчинить, а временная их зависимость была лишь номинальной.

Страна Арме или Урмеухи осталась независимой даже после ее покорения царем Менуа (810—785) и была завоевана только временно¹.

Известно, что, вследствие вторжения арамеев на юг Ассирии в XI веке, страны, расположенные к северу от Месопотамии, как, например, Арме, Шуприа, Алци, обрели возможность укрепить свои позиции и отбивать новые нападения Ассирии, которые были предприняты снова в X веке. До настоящего времени еще не исследованы условия, в которых образовались эти союзы малых стран и в которых союз, возглавляемый страной Арме, получил возможность использовать период бессилия Урарту и захватить его политическое наследие.

С. Т. Еремян делает очень интересные и правильные выводы относительно причин, способствовавших процессу образования народности в эту эпоху. По его мнению, это было «время распада первобытно-общинного строя и возникновения классового общества, когда сложились благоприятные условия для слияния мелких этнических образований в более крупные... На «варварской окраине» Урарту происходил тогда переход к классовому обществу, что и способствовало процессу формирования народности из разрозненных ранее племенных образований. Это был период «военной демократии» и возникновения рабовладельческого строя, когда сильные племена побеждали слабых, порабощали их и подчиняли себе»².

Но следует согласиться и с мнением, что в Урарту между разными социальными слоями существовали пока не изученные противоречия, которые обострились и стали фатальными для страны. С. Т. Еремян указывает мотивы противоречий. Полагаем, вместе с И. М. Дьяконовым, что эти противоречия способствовали в конце концов исчезновению царства Урарту и привели к господству страны Арме, которая постепенно укрепилась, достигнув государственной организации. Урарты должны были вести борьбу с подчиненными им племенами, которые предпочитали бороться, чем быть порабощенными и эксплуатируемыми рабовладельческими государствами. Этот сложный период объединения стран в одну политическую единицу еще недостаточно изучен. С. Т. Еремян и Г. А. Тирацян пытаются найти решение проблем этого периода армянской истории, который требует серьезного изучения.

¹ Аргишти I снова завоевал ее в 773 г., но она вновь восстала и царь Сардури II начал против нее поход в 753/752 гг., а затем и в 751—750 гг. После похода ассирийского царя Саргона II в 714 году против Урарту Арме снова отрывается от Урарту и возглавляет объединение стран против Ассирии и Урарту. В 673 г. Ассархалон снова занял Арме, но 20 лет спустя, во время царя Ашшурбанапала, Арме окончательно отпала от Ассирии.

² С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян («Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 102).

Слияние двух этнически родственных народов, армянов и мушков, было очень важным фактором; оно привело к созданию на урарто-хурритском субстрате господствующего языка, первоначально в территориальном союзе, на юге Урарту; это был будущий армянский язык, ибо следует предположить, что в этом территориальном союзе, во главе со страной Арме, установился со временем общий язык, возникший, по всей вероятности, на основании языка аримов и мушков (оба народа — фрако фригийского, то есть индоевропейского происхождения), которые ассимилировали со временем другие народы. Здесь, как кажется, образовалось ядро народа, которое впервые стало говорить на армянском языке. Со временем язык населения Арме распространился — возможно еще начиная с VII века — как в Малой Армении, так и в части Великой Армении. Престиж страны Арме вследствие непрерывных войн с Ассирией и Урарту непрерывно возрастал и содействовал широкому распространению языка аримов-армянов в рамках территориального объединения на юге Армянского нагорья

ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ԽԱԿՄԱՆ ԱՐ ՔԱՆԻ ԿՆԴԻՐՆԵՐ

ՎԱԿ ԲԸՆԵՅՅԱՆՈՒ (Բուխարեստ)

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Հայոց լեզուն, որ հայ ժողովրդի ծագման ուսումնասիրման կարևորագույն աղբյուրներից սեկն է, հետազոտվել է բազմաթիվ գիտնականների կողմից: Մեծ աշխատանք են կատարել Վ. Պետերմանը, Ֆ. Վինդիշմանը, Ֆ. Մյուլլերը, Ա. Հյուրշմանը, Հր. Աճառյանը, Պ. Լազարզը, է. Լիդենը, Ա. Մեյլեն, Հ. Պեղերսենը, Ինչպես և մի շարք արգի գիտնականներ՝ Ն. Բենվենիստը, Վ. Պիզանին, Ո. Հասար և ուրիշները:

Սակայն արևմտյան գիտնականները մոտեցել են հայոց լեզվին միմիայն հնդեվրոպական լեզվաբանության պրոբլեմների տեսանկյունով, որով և անտեսել են նրա առաջացման ու զարգացման կոնկրետ հանգամանքները, այսինքն, առաջին հերթին, հայ ժողովրդի ծագման ու կազմավորման հարցերը:

Սովետական հայագիտության մեջ, ընդհակառակը, նկատելի է հնդեվրոպական լեզվաբանության՝ հայոց լեզվի ուսումնասիրման բնագավառում ձևորբերած նվաճումների թերազնահատում: Այսպես, Գր. Ղափանցյանը հայերենը համարել է փոքրասիական, կամ, առնվազն «խառն», երկտարր լեզու, իսկ հայերին՝ զուտ բնիկ տեղական ժողովուրդ: Այս տեսակետին հարել են նաև մի քանի այլ հետազոտողներ:

Միևնույն ժամանակ սովետական գիտնականները, նույն Գր. Ղափանցյանը, Հ. Մանանդյանը, Հ. Օրբելին, Բ. Պրոտորովսկին, Ս. Նրեմյանը, Ի. Դյակոնովը, Գ. Մելիքիշվիլին կատարել են բեղմնավոր մեծ աշխատանք հայոց լեզվի և հայ ժողովրդի ծագման հարցերի մշակման ասպարեզում, խոր ուսումնասրելով լեզվական, պատմական և հնագիտական նյութը և հիմք ստեղծելով նշված պրոբլեմի վերջնական լուծման համար:

Դեռ կան հայ ժողովրդի ծագմանը վերաբերող բազմաթիվ մեծ ու փոքր հարցեր, որոնք կարոտ են լուսարանման: Մինչ այժմ կատարված ուսումնա-

սիրութիւնների հիման վրա ուրվագծվում է հետևյալ պատկերը: Հայոց լեզուն, անկասկած, հնդեվրոպական ծագում ունի, սակայն ձևավորվել է ոչ հնդեվրոպական էնթաշերտի վրա: Նախահայերը ցեղակից էին փոյոզիացիներին, իսկ նրանց ոչ հնդեվրոպական էնթաշերտը բնորոշել է ուրարտներն և հուրրիտներին: Նախահայերի՝ եվրոպայից զազթի փաստը անհրաժեշտ է բնորոշելու ներկայումս հաստատված է, անգամ խեթերի՝ եվրոպայից զազթի փաստը: Հայոց լեզուն ոչ միայն շատ մոտ ազգակից է փոյոզիերենին, այլև մոտ է, բայց լեզվարանական շափանիչների, հունարենին, մի փաստ, որ արգասիք է այդ ժողովուրդների երբևմնի հարևանության՝ Բալկանյան թերակղզում: Փոյոզիացիներին հետագայում գտնում ենք թմակված Փոքր Ասիայում: «Իսկանդեր» սովյաներով նրանք մասնակից են եղել Տրոյական պատերազմին: Բոլոր այն թրակա-փոյոզիական ցեղերը, որոնք հետագայում հաստատվել են Փոքր Ասիայում, անցել են Տրոյայի վրայով: «Իսկանդեր» ուրիշ ցեղերի հետ մեկտեղ հիշատակվում են նաև արիմները՝ «Λογίαι: Այդ ցեղը պետք է ունեցրած լինի հնդեվրոպական ծագում և նրա ցեղանունը կապվում է Տավրոսի լեռներից հարավ գտնված Արիմե (հետագայում Արմե, Ուրումե) երկրի անվան հետ, երկիր, որին մ.թ.ա. VI դարում պարսիկները անվանում էին Արմինա, և որի ժողովուրդը հույները կոչում էին «Λογίαι: Արմե երկրի բնակիչներից բացի հայ ժողովրդի մյուս հնդեվրոպական տարրն են կազմել մուշկերը:

Մեծ զևր է կատարել հայ ժողովրդի կազմավորման մեջ նաև իսպառանգների բնակչությունը, սակայն խայսացիները հնդեվրոպացիներ չէին, այլ ամենայն հավանականությամբ ցեղակից էին խուրրիտներին: